

УДК 008.2; 001.3

DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-69-82

«ПАРИ ТРАНСГУМАНИСТОВ» КАК ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ

Светлана Викторовна Шибаршина – кандидат философских наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки» (Москва). Российская Федерация, 105062, Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2;
e-mail: svet.shib@gmail.com

В статье исследуется ряд особенностей научных утопий и их историческая трансформация в современных техно-утопиях на примере «Пари трансгуманистов» З. Иштвана. Выявляется специфика проекта Ф. Бэкона (как одного из важных пионеров в данном отношении) в ряду других меритократических утопий. С одной стороны, указывается на разделение истин религии и истин науки в его «Новой Атлантиде», с другой – подчеркивается гармоничное сочетание религиозно-духовной и научной жизни в Бенсалеми. Отмечается, что научно-технический прогресс здесь, несмотря на выраженную экспериментальную составляющую, не является самоцелью, но выступает одним из важнейших средств на пути общества к совершенному состоянию человечества до грехопадения. В противоположность этому, техно-утопический проект З. Иштвана основан на принципах трансгуманизма и прагматической пользы. В разделе статьи, посвященном описанию трансгуманистического манифеста Иштвана, раскрываются наиболее существенные аспекты «телеологического эгоцентрического функционализма» – основного принципа философии Джетро Найтса, главного героя «Пари трансгуманистов», реализовавшего его в новом глобальном государстве Трансгумания. Акцентируется внимание на том, что в последней наиболее значимыми представителями общества являются специалисты в области науки и технологий, трансгуманисты и футурологи, определяющие важнейшие социально-политические тренды Трансгумании. Меритократии Нового времени, включая «Новую Атлантиду», были тесно связаны со стремлением к познанию Вселенной и ее законов, установленных Богом, и ученые-управленцы воспринимались там как посредники между божественным и человеческим. В современной же техно-утопии Иштвана учеными на пути обретения ими социально-политической силы движет несколько иной комплекс факторов: трансгуманистическое мировоззрение, крайний рациональный индивидуализм, всепоглощающая жажда бессмертия, тотальная убежденность в истинности теории глобального эволюционизма, безжалостная нетерпимость к инакомыслию и насильственно внедряемая вера в то, что наука и технологии с тотальной рационализацией всего – единственный путь к социальному

прогрессу и всеобщему счастью. В заключении отмечается, что, хотя идеи З. Иштвана не представляют весь трансгуманизм как разноплановое движение, последний в целом чреват возможностью узаконивания технократического авторитаризма.

Ключевые слова: наука и технологии, научная утопия, техно-утопия, наука как социально-политическая сила, трансгуманизм, Новая Атлантида, Пари трансгуманистов

Цитирование: Шибаршина С.В. «Пари трансгуманистов» как предложение, от которого нельзя отказаться // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 69-82. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-69-82

“THE TRANSHUMANIST WAGER” AS AN OFFER YOU CANNOT REFUSE

Svetlana Viktorovna Shibarshina – PhD in Philosophy, researcher. Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science” (Moscow, Russian Federation). Building 2, 1/36 Lyalin Lane, 105062 Moscow, Russian Federation; e-mail: svet.shib@gmail.com

The article examines a few features of scientific utopias and their historical transformation in today's techno-utopias on the example of Z. Istvan's novel 'The Transhumanist Wager'. The study elucidates some particular traits of F. Bacon's project – a significant pioneer in this respect – and peculiarizes it among other meritocratic utopias. On the one hand, the author accentuates the differentiation between the truths of religion and the truths of science in Bacon's 'New Atlantis', and, on the other hand, she emphasizes the harmonious combination of the religious, spiritual and scientific life in Bensalem. It is noted that science and technology progress here, despite the expressed experimental aspect, is not an end in itself but a most important means in the society's striving to the perfect state of humanity before the Fall. In contrast, Z. Istvan's techno-utopian project relies on the principles of transhumanism and pragmatic utility. The second part the article depicting Istvan's transhumanist manifesto reveals the most essential content of the “Teleological Egocentric Functionalism”. It is the basic principle that underlies the philosophy shared by Jethro Knights, the protagonist of 'The Transhumanist Wager', who implemented it in the new global state of Transhumania. The author accentuates the fact that in Zoltan's techno-utopia the most significant representatives of society are science and technology specialists, transhumanists and futurologists, who mostly determine the socio-political trends of Transhumania. The meritocracies of the Modern period, including the 'New Atlantis', significantly proceeded from the pursuit of knowledge of the Universe and its laws established by God, and scientists acted there as intermediaries between the divine and the human. As for Istvan's techno-utopia, its scientists, on their path of gaining socio-political power, are driven by a complex of factors: a transhumanistic worldview, extreme rational individualism, an all-consuming thirst for immortality, total conviction in the truth of global evolutionism, ruthless intolerance of dissent, and forcibly

implanted faith that science and technology with a total rationalization of everything is the only way to social progress and universal happiness. The author concludes that although Z. Istvan's ideas do not represent the whole of transhumanism, this diverse movement in general is fraught with the possibility of legitimizing technocratic authoritarianism.

Keywords: science and technology, scientific utopia, techno-utopia, science as a social-political power, transhumanism, New Atlantis, Transhumanist Wager

For References: Shibarshina, Svetlana. 2021. "The Transhumanist Wager" as an offer you cannot refuse, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 4 (4): 69-82. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-69-82 (In Russian).

От научных утопий к техно-утопиям

Как известно, у Платона, Т. Мора, Ф. Бэкона, а также современных авторов эпистемократических утопий (Ф. Карсака, З. Иштвана и др.) определенная группа людей – носителей профессионального, а в ряде случаев и сакрального, знания – играет ведущую роль в социально-политическом управлении. Ряд подобных утопий основан на сциентократии, и здесь исследователи обращают внимание на фигуру британского мыслителя Фрэнсиса Бэкона. Безусловно, он отнюдь не первым развивал идею о том, что прогресс связан с научным развитием. Уже предшествующие мыслители подготовили интеллектуальный климат для идеи прогресса (см., напр. [Adams, 1949, p. 377]). И все же именно в его лице «мы впервые в истории встречаем понимание науки как нового глобального социального проекта» [Касавин, 2020, с. 5].

Более того, к бэконовской утопии «Новая Атлантида» (New Atlantis, 1626) апеллирует ряд трансгуманистов и исследователей трансгуманизма, включая Н. Бострома, Д. Уитни, Дж. Волиньяка и др., считающих Бэкона одним из предшественников технонаучного и трансгуманистического мировоззрения (см., напр. [Bostrom, 2005; Wolyniak, 2015; Whitney, 2018, web] и др.). И это не случайно. Ф. Бэкон рисует картину научно-технологического общества, подаваемого как воплощенный рай на земле, который стал возможным во многом благодаря опоре на новый научный метод, способный через манипуляции с природой производить все больше земных благ, и «радикальной модели институализации новой науки» [Дмитриев, 2017, с. 89]. Его утопия нередко прочитывается как убеждение в том, что не существует границ господства людей над окружающим миром и собственной биологической природой.

В целом, эпистемократические утопии объединяет ряд общих черт. Можно выделить хотя бы тот момент, что многие процессы, происходящие в описываемых сообществах, четко регламентированы (например, писаной конституцией, дарованной королем-

основателем по имени Соломона, в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона), а правила строго соблюдаются практически всеми членами сообщества. Тем не менее, бэконовская утопия существенно отличается от предыдущих, прежде всего в плане самой концепции функционирования и развития науки, а также ее организации как социального института.

Как отмечает Р. Адамс, в Бенсалеке прослеживается отделение научного знания от религиозного: хотя Бэкон и утверждал, что наука «в конце концов, приведет нас прямо к Богу», все же он стремился отделить религиозные истины от научных [Adams, 1949, p. 386]. В «Утопии» Мора натурфилософия или любая другая область не отделены от этики и религии. Здесь наука в ее более абстрактных формах является объектом рационального поклонения, что можно увидеть, например, в восторженном изучении астрономами путей Бога, раскрывающихся в упорядоченном великолепии мирового устройства.

Что также важно – в «Новой Атлантиде» экспериментальная составляющая научного развития выражена в неизмеримо большей степени, чем в «Утопии» Мора, где жители не стремятся к производству все большего числа материальных благ, ограничиваясь производством необходимого для всеобщей здоровой, счастливой и при этом простой жизни. В Бенсалеке ученые работают над технологиями, позволяющими побеждать болезни, продлять жизнь, омолаживать организм, замедлять старение, превращать одни виды в другие и даже создавать новые. И все же научно-технический прогресс не является самоцелью в утопии Бэкона (об этом несколько позже).

Существенную роль в управлении бэконовским островом Бенсалеком, расположенным в Тихом океане и практически изолированным от остального мира, играет Дом Соломона – научный орден, пользующийся исключительным положением в стране, полной государственной поддержкой и почестями. Это оборудованный институт для фундаментальной и прикладной науки, целью которого является «познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным» [Бэкон, 1978, с. 509]. Таким образом, здесь управление наукой и технологиями осуществляют, по выражению И.С. Дмитриева, «хорошо образованные “эпистемократы”, наделенные широкими правами и властными полномочиями» [Дмитриев, 2017, с. 96].

В контексте всего наследия Ф. Бэкона (не только «Новой Атлантиды») его проект «Великое Восстановление Наук» подразумевает «жесткое разделение научной и профанной сфер жизни» [Дмитриев, 2015, с. 10]. Специфика доступа к знанию обусловлена здесь своего рода делением на «посвященных», имеющих полный доступ к знаниям, и всех остальных, знакомых лишь с конечным продуктом некоторых научных открытий. Общественности сооб-

щается лишь то, что ученые полагают необходимым, и только о тех изобретениях, которые считаются хорошими, и даже монарх не уполномочен знать все о научной деятельности и открытиях.

Тем не менее, в утопии Ф. Бэкона, несмотря на разделение истин веры и истин разума, наука гармонично сочетается с духовно-религиозной жизнью: ученые после работы в лаборатории возносят Богу хвалу и благодарность, а религия не препятствует научно-техническому развитию. Более того, рядом исследователей показана значимость теологического мотива как части фундамента, на котором базируется бэконовская утопия. Стремление Бэкона к тому, чтобы «все вещи стали возможными», связывается Дж. Волиньяком с перспективой мифа о грехопадении [Wolyniak, 2015, p. 60]. Первородный грех существенно ограничил познавательные, моральные и прочие способности человечества – наука же в своей высшей цели призвана восстановить утраченное совершенное состояние Адама в раю. Научно-техническое развитие здесь не является самоцелью: необходимо «восстановить первоначальный человеческий суверенитет» с помощью «нового метода» [Burdett, 2011, p. 23]. Вполне логично, что при теологической трактовке власть ученых воспринимается как посредническая между Божественной целью и человечеством, а истины веры и разумы способны укреплять друг друга.

Идея о сциентократическом управлении обществом, либо большей частью его жизни еще не раз появлялась в последующих утопических проектах. И хотя в XX в. утопиям начинают активно противостоять антиутопии, отражающие разочарование в идее социального прогресса, последствиях мировых войн и т.д., жанр научной утопии продолжает жить, приобретая зачастую черты техно-утопии.

«Пари трансгуманистов»

Одной из показательных современных техно-утопий является роман «Пари трансгуманистов» Золтана Иштвана (2013), где автором четко обозначается главенство власти ученых и специалистов. В настоящее время трансгуманизм набирает обороты в качестве глобального философского, культурного и интеллектуального движения и становится политической силой. Так, например, З. Иштван в 2014 г. создал первую национальную трансгуманистическую партию (Трансгуманистическая партия Соединенных Штатов) и стал одним из основателей Трансгуманистической партии «Глобал» (ТПГ), а в 2016 г. баллотировался на пост президента США.

В романе отображается противостояние, с одной стороны, между сторонниками свободы научного прогресса и противниками религии, а с другой – техноалармистами, включая религиозных фундаменталистов. В конце показана тотальная победа первых, вкуче с наступлением трансгуманистического «рая». Культурно-

философские предпосылки техно-утопии Иштвана включают элементы, антагонистичные религиозным: в «Пари трансгуманистов» заметно влияние Маркса, Конта, Дарвина, Ницше [Whitney, 2018, web]. Это своего рода «леденящая кровь смесь технофилии, этического эгоизма, социального дарвинизма, антирелигиозности, антиконсюмеризма, антиэгалитаризма и противостояния концепции всеобщего благосостояния» [Hauskeller, 2016, p. 93].

Главный герой иштвановского романа, Джетро Найте, с юности разительно отличается от большинства своим мировоззрением, видением смысла жизни, целями, поведением и отношением к людям. Его личность отмечена крайним индивидуализмом. Себя он воспринимает как «самодостаточную сущность, стремящуюся обрести в жизни как можно больше могущества» [Istvan, 2013, p. 59]. Его взгляды на окружающих проникнуты тотальным прагматизмом. В целом он воспринимает любого человека исключительно с точки зрения того, сколько ресурсов тот потребляет на планете, какое занимает пространство, возможно ли его как-то использовать в своих целях. Чудом не погибнув однажды в джунглях, Найте проникается всепоглощающим желанием победить смерть, в которой видит самого злостного врага человечества.

Найте формирует собственную философию и основополагающий ее принцип именует «телеологическим эгоцентрическим функционализмом» (ТЭФ). Последний основан на убеждении в том, что разумные люди прежде всего ценят жизнь, желают быть бессмертными и при этом не могут бездействовать, стремясь заранее сделать что-то конструктивное с научной точки зрения для достижения бессмертия¹. «Телеологический – потому что это врожденное стремление и желанная судьба каждого продвинутого человека – развиваться. Эгоцентричный – потому что он основан на каждом из наших эгоистичных индивидуальных желаний, которые имеют первостепенное значение. Функциональный – потому что это будет рационально и логично» [Istvan, 2013, p. 62–63]. При этом бессмертие было только первым, хотя и очень важным, шагом «в сложной эволюционной цели, которую он считал своей судьбой» [ibid., p. 59]. Окончательной же целью было всемогущество. Все мы рождаемся неравными и незавершенными, «чтобы побеждать друг друга». «Кто-то может назвать это волей к власти – сам же Джетро считал, что это была воля к эволюции, – наиболее существенная черта личности, ДНК Вселенной» [ibid., p. 60]. Вселенная в своем развитии «еще не завершена. Вселенная меняется, развивается. И вместе с ней развивается каждый из нас» [ibid., p. 216].

Эти утверждения Джетро, будучи еще студентом, формулирует в одном из своих сочинений по философии и называет носителя подобных идей «омnipотендером», то есть стремящимся к всемо-

¹ URL: <http://www.zoltanistvan.com/TranshumanistWager.html> (дата обращения: 12.07.2021).

гуществу, человеком, «главная цель которого состоит в том, чтобы бороться за как можно большую власть» и превзойти собственные биологические ограничения [Istvan, 2013, p. 22]. Шокированный до глубины души холодным безжалостным тоном эссе и высказанными в нем антигуманными, с точки зрения существующей общественной морали, мыслями, преподаватель публично разносит сочинение Найтса. Однако абсолютно уверенный в своей правоте студент остается непоколебимым и так же публично насмехается над последним философским произведением самого преподавателя, называя его «ужасной» книгой, «полной идиотской ерунды» [ibid., p. 23].

При описании мировоззрения главного героя З. Иштван не раз намекает на ницшеанский мотив презрения к морали толпы. «Миллиарды людей, похожих на овец, могут притворяться, что человеческое животное другое, что люди – любящие, смиренные, нежные и альтруистические существа. Джетро же знал, что культура, религия, демократия, социальная этика и правовые системы были всего лишь ослепляющими формами пресловутого мазохистского поведения», «способами обеспечить подчинение индивидуальных амбиций коллективному контролю общества» [Istvan, 2013, p. 60]. Те, кто понимают это, осознают и то, что любое так называемое «гуманное» поведение – акты любви, альтруизма, самопожертвования – чистый эгоизм, которого не нужно стыдиться. Эти рациональные индивиды в борьбе за всемогущество будут сотрудничать с любым, кто способен помочь в достижении цели. Лет через пятьдесят или сто «самые сильные и продвинутые люди станут сознательными супермашинами», которые будут руководствоваться «новыми системами этики» [ibid., p. 60].

Идеи Найтса перекликаются с концепцией рационального и этического эгоизма Айн Рэнд. Как известно, свои философские и социально-политические идеи А. Рэнд объединила в теорию, которая получила название «объективизм». Этика объективизма базируется на безоговорочном принятии принципа индивидуализма, который, выступая в качестве негативного и критического принципа, отвергает любые формы коллективизма. Все доктрины, ставящие интересы какой-либо группы выше интересов индивида, ложны. Нравственный идеал личности в этике объективизма можно описать следующим образом: это целеустремленный индивид с четкой ценностной иерархией, выстроенной на основе собственных независимых суждений; он не следует общепринятым традиционным правилам поведения, но все пропускает через призму собственных нравственных стандартов. Этот человек надеется только на свои силы и не требует помощи от других людей.

При этом Джетро Найтс, безусловно, идет дальше Рэнд. Для него не существует ни человека, ни нравственного идеала, которые бы представляли большую ценность по сравнению со стремлением

преодолеть смерть. Он отказывается от единственной девушки, сумевшей вызвать в нем, казалось бы, сильное чувство, – в мире будущего всемогущества и супер-рациональных машин нет места любви. Согласно его философии, те, кто будут сопротивляться новому миру или окажутся бесполезными на пути его создания, будут убиты или оставлены умирать.

Собрав вокруг себя команду полезных ему людей, Найтс, во многом благодаря средствам одного миллиардера, создает собственное государство – Трансгуманию – на искусственном плавучем острове. Его мир процветает, и Найтс решает распространить новый миропорядок на всю планету. Перед тем, как начать трансгуманистическую революцию и сокрушить противостоявшие ему правительства стран, Найтс через телевидение обратился к людям с программной речью, в которой буквально предложил «трансгуманистическое пари»: любой желающий может стать частью Трансгумании при условии полного разделения ее философии. «Все остальное, что вы делаете, пока живы, любое иное мнение, которое вы имеете, любой другой выбор, который вы делаете ... предательство этой жизни. Это предательство пари. (...) Это предательство Трансгумании и ее философии, телеологического эгоцентрического функционализма» [Istvan, 2013, p. 208].

Он называет современных людей «отягощенным видом, обремененным громоздким мусором прошлого» – «устаревшими культурными конструкциями, через которые наш разум воспринимает реальность» и которые сделали всю человеческую жизнь «дегенеративной и апатичной». Он оценивает нынешнее существование человечества в духе сизифовой трагедии, где «мы обречены пресмыкаться, колебаться, повторять одни и те же жалкие ошибки день за днем, год за годом, век за веком». Найтс призывает к созданию новой культуры, которая «освободит наши умы и высвободит трансчеловеческие возможности» [Istvan, 2013, p. 211].

Найтс называет разум «единственным средством для выживания человека на этой планете», понимая под ним «чистый вычислительный процесс компьютера, ориентированный на достижение конкретных целей». Большинство людей принимают повседневные решения на иррациональной основе, опираясь на ошибочные предрассудки предшествующего опыта и «капризы спонтанных эмоций». Подобное поведение стало частью нынешней поврежденной «мусорной культуры», в которой все «внутренние стремления, реакции и взаимодействия с миром являются сфабрированными иллюзиями, частью хитрой ловушки конформизма» [Istvan, 2013, p. 215]. При этом Найтс публично объявляет одним из важнейших моральных принципов философии Трансгумании идею неравенства: «Ничто и никто не равен. (...) Различие и дифференциация существ находятся в центре всей жизни» [ibid., p. 216].

Найтс объявляет, что в Трансгумании будет действовать строгая глобальная политика планирования семьи: людям, которые мо-

гут разумно и успешно воспитывать детей, разрешат размножаться – более того, они будут поощряться к этому; всем же остальным запретят производить потомство. В Трансгумании не будут выплачиваться пенсии, пособия и прочие «государственные подачки». Единственное, что гарантировано бесплатно – это «всестороннее научное образование, свободное от религии» [Istvan, 2013, p. 218].

Найтс обещает, что менее чем через столетие большинство людей станут наполовину машинами, наполовину киборгами. «Грядущие андройды, киборги, мыслящие роботы, системы искусственного интеллекта и другие трансчеловеческие сущности в нашей цивилизации будут действовать, руководствуясь этикой, иной по сравнению с чисто биологическими существами. Их системы ценностей будут более разумными ... более связанными с вычислительной логикой и свободными от культурного багажа и архаичных инстинктов. (...) Мы, трансгуманисты ... станем более сознательными самопроектируемыми сущностями ... И после этого, кто знает, кем мы станем и как далеко пойдет наше развитие» [Istvan, 2013, p. 219].

В конце своей программной речи Дж. Найтс формулирует манифест ТЭФ: «трансчеловеческая миссия состоит в том, чтобы следовать наиболее целесообразному курсу, который может выбрать человек, чтобы достичь своих самых могущественных и сильных сторон ... преодолеть все, что стоит на пути к этой цели...» [Istvan, 2013, p. 219].

После установления глобальной диктатуры Трансгумании любые религиозные, политические и мировоззренческие движения оказываются официально запрещенными – причем не только на бумаге, но и на практике. Начиная с двухлетнего возраста детей в дошкольных учреждениях убеждают в том, что религиозные и суеверные тенденции – «глупые, отсталые и иррациональные» [Istvan, 2013, p. 222]. При этом повсюду на планете появляются бесплатные, предоставляющие образование высокого качества государственные школы, институты и университеты; миллионы учителей и преподавателей отправлены Трансгуманией по всему миру, чтобы обучать. Учиться должны не только дети и подростки, но и люди всех возрастов – для того чтобы восполнить пробелы в научных знаниях и навыках в математике, физике и других дисциплинах. По всей планете проведен бесплатный Интернет.

Трансгумания проводит политику поощрения фитнеса и здорового образа жизни. Те семьи, что регулярно занимаются спортом и поддерживают «здоровый вес», платят сниженный налог. Государство продвигает твердую общественную позицию, согласно которой «ожирение и отсутствие физической активности, когда это можно предотвратить, достойно презрения» [Istvan, 2013, p. 223].

Поощряется политика продвижения ученых как наиболее важных авторитетов и знаменитостей, популярных кинообразов. Вместо религиозных и других праздников по всему миру празднуют

дни рождения самых известных ученых. *Специалисты в области науки и технологий, трансгуманисты и футурологи* считаются теперь *наиболее значимыми представителями общества*. Рынок заполняют компании, чья деятельность связана с технологиями, биотехнологиями, энергетикой, экологией и образованием, а возглавляют их молодые руководители с учеными степенями – «иконы нового трансчеловеческого пейзажа» [Istvan, 2013, p. 223]. Те же, кто не отличаются подходящими для Трансгуманики уровнями интеллекта, «прогрессивным мышлением и творческими футуристическими идеями», становятся «попросту никем в этом новом мире» [ibid.].

Таким образом, в Трансгуманике З. Иштвана абсолютная власть сосредоточена в руках специалистов в области науки и технологий, трансгуманистов и футурологов. В определенном смысле он продолжает бэконовскую традицию. В обеих утопиях социальный прогресс зиждется на идее о том, что наука дает «инструмент властного отделения знающих от незнающих» и «производит справедливую систему неравенства, социальную стратификацию, без которой нет развития» [Касавин, 2021, с. 220].

Важно отметить, что современная агрессивно сциентистская техно-утопия З. Иштвана во многом не совпадает с теми мировоззренческими предпосылками, что лежали в основании «Новой Атлантиды». Если для эпохи Бэкона теологический мотив и идея гармоничного разделения веры и разума еще оставались глубоко укорененными в историко-культурной традиции, то в Новейшее время под влиянием секуляризации и прочих факторов развитие науки и технологий (включая использование их плодов) начинает преследовать иную цель, а ученые-управленцы утрачивают связь с «божественным голосом». Если Ф. Бэкон мыслит об обретении биологического и когнитивного могущества, не превосходящего, однако, божественное, для восстановления первозданного адамова состояния человечества, то техно-утописты типа З. Иштвана грезят об индивидуальном всемогуществе и нескончаемой самопроектируемой индивидуальной эволюции во Вселенной, лишенной Бога и «старой» морали. И все же приходится признавать, что бэконинский проект науки и технологий был одним из тех источников, что заложили мировоззренческие основания будущего технооптимизма, а проторенный мыслителями Нового времени и Просвещения путь стал маршрутозависимым. В определенной степени Трансгуманика – это один из возможных сценариев развития новоевропейской сциентократии.

ТЭФ как новая религия

С. Фуллер оценивает многие прорывные научно-технологические достижения XX и XXI вв. (включая компьютер)

в рамках стремления к богоподобному господству человека над природой, указывая на теологическую мотивацию [Фуллер, 2020]. По его словам, мыслители, рассуждавшие в терминах научных моделей (включая Бэббиджа, Максвелла и Буля), были хорошо знакомы с естественной теологией, и для них «прогресс в моделировании природных процессов – в некоторых случаях даже совершенствовании этих процессов (например, калькулятор вместо людей в математических расчетах) – представлял шаг по направлению к человечеству с богоподобными способностями, которыми оно обладало до грехопадения Адама» [там же, с. 70].

Однако ученые-эволюционисты, агрессивные противники религий типа выдуманного персонажа Дж. Найтса или реально существующего Ричарда Докинза, как было сказано выше, освобождают свою картину мира от какого-либо божественного разума. При этом остается вопрос о том, в какой степени теологический мотив фундирует современные технократические проекты, а в случае его отсутствия – что движет учеными на пути обретения ими политической силы. В техноутопии З. Иштвана это комплекс факторов: трансгуманистическое мировоззрение, крайний рациональный индивидуализм, всепоглощающая жажда бессмертия, тотальная убежденность в истинности теории глобального эволюционизма, пропитавшая этические убеждения главного героя, и что также важно – безжалостная нетерпимость к инакомыслию и всему, что противостоит техно-утопическому проекту и заложенной в него философии. В Трансгумании основной предпосылкой технократии становится насильственно внедряемая вера в то, что наука и технологии с тотальной рационализацией всего – единственный путь к социальному прогрессу и всеобщему счастью. В принципе, в описанном Иштваном сценарии развития романа трансгуманистическая идеология становится своего рода новой религией. Ниспровергнув вслед за Ницше институт религии, Джетро Найтс претендует на то, чтобы стать новым богом. В конце романа, оглядывая с балкона новый мир, он шепчет: «Это только начало Джетро Найтса» [Istvan, 2013, p. 229].

Таким образом, можно предположить, что при секулярной трактовке важности науки как социально-политической силы по-прежнему встречается «религиозный» мотив, но как бы вывернутый наизнанку. Убежденность адептов чисто научного мировоззрения в необходимости доминирования научных оценок при решении как научно-технологических, так и социально-политических проблем опять-таки возвращает нас к вопросу догматического мышления, традиционно приписываемого религиям. Не зря в Трансгумании символом новой культуры становятся ученые. Здесь вспоминаются размышления П. Фейерабенда о том, что великие ученые оказываются на положении «жрецов», «оракулов», и их слово становится вседвляющим [Фейерабенд, 2010]. По его мнению, ученые должны принимать участие в правительственных

решениях в той мере, в какой каждый человек принимает участие в таких решениях. При этом они не будут обладать подавляющим авторитетом – должен быть услышан голос каждого заинтересованного лица. Фейерабенд был сторонником плюралистического гражданского общества, которое в техно-утопии З. Иштвана стирается с лица Земли, а вместе него устанавливается технократический авторитаризм трансгуманистов.

Идеи З. Иштвана, безусловно, не представляют весь трансгуманизм как разноплановое движение. Все же, как вопрошает М. Хаускеллер, не скрывает ли его техно-утопия подлинной души трансгуманизма – то, о чем не решаются сказать главные его поборники, либо они не позволяют себе зайти так далеко? [Hauskeller, 2016, p. 93]. Трудно однозначно утверждать, что трансгуманизм в основной своей массе призывает к той или иной форме технократического авторитаризма. Тем не менее, некоторые трансгуманисты, в частности, Джеймс Хьюз, предупреждают о том, что вера в постчеловечество может, в конце концов, узаконить технократический авторитаризм для реализации трансгуманистических концепций [Hughes, 2010], что, собственно, и происходит в романе З. Иштвана. Здесь хотелось бы добавить, что идея власти ученых подспудно включает в себя такую возможность, и когда мы говорим о социально-политической силе науки, приходится учитывать также подобный сценарий.

Информация об источниках финансирования исследования

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ проект № 21-18-00428 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

Funding

The reported research was funded by RSF (Russian Science Foundation) according to the research project No. 21-18-00428, "Political Agency of Contemporary Science: Interdisciplinary Analysis at the Crossroads of the Philosophy of Science and the Philosophy of Politics" (Interregional Non-Governmental Organization "Russian Society for History and Philosophy of Science" (Moscow, Russian Federation)).

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Бэкон, 1978 – *Бэкон Ф.* Новая Атлантида // Ф. Бэкон. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. Сост., общ. ред. и вступит. статья А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. С. 483–518.

Дмитриев, 2017 – *Дмитриев И. С.* Институализация европейской науки раннего Нового времени: бэконский ракурс // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 89–99.

Дмитриев, 2015 – *Дмитриев И. С.* Хромой, обгоняющий бегуна (Instauratio Magna Scientiarum Ф. Бэкона как проект создания эффективной институализованной науки) // Социология науки и технологий. 2015. № 4. С. 9–33.

Касавин, 2021 – *Касавин И. Т.* Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217–227.

Касавин, 2020 – *Касавин И. Т.* Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14. doi: 10.31857/S013216250009293-5.

Фейерабенд, 2010 – *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе / пер. с англ. М.: АСТ, 2010. 378 с.

Фуллер, 2020 – *Фуллер С.* Скрытая теология компьютера и ее возможности для пост-цифрового человечества (пер. с англ.) // Негумбольдтовские зоны обмена: монография / под ред. Е.В. Масланова, А.М. Дорожкина. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии наук», 2020. С. 66–75.

Adams, 1949 – *Adams R. P.* The social responsibilities of science in Utopia, New Atlantis and after // Journal of the History of Ideas. 1949. Vol. 10. No. 3. P. 374–398.

Bostrom, 2005 – *Bostrom N.* A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. No. 6. P. 1–25.

Burdett, 2011 – *Burdett M. S.* Contextualizing a Christian perspective on transcendence and human enhancement: Francis Bacon, N. F. Fedorov, and Pierre Teilhard de Chardin // Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement / ed. by R. Cole-Turner. Washington, DC: Georgetown University Press, 2011. P. 19–35.

Hauskeller, 2016 – *Hauskeller M.* Mythologies of Transhumanism. Cham: Palgrave Macmillan, 2016. 225 p.

Hughes, 2010 – *Hughes J.* Contradictions from the enlightenment roots of transhumanism // Journal of Medicine and Philosophy. 2010. Vol. 35. No. 6. P. 622–640. doi: 10.1093/jmp/jhq049.

Istvan, 2013 – *Istvan Z.* The Transhumanist Wager. Lexington, KY: Futurity Imagine Media, 2013. 300 p.

Whitney, 2018, web – *Whitney D.N.* Salvation through science? Bacon's New Atlantis and transhumanism // VoegelinView. June 7, 2018. URL: <https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism> (дата обращения: 07.06.2021).

Wolyniak, 2015 – *Wolyniak J.* “The Relief of Man's Estate”: Transhumanism, the Baconian project, and the theological impetus for material salvation // Religion and transhumanism: the unknown future of human enhancement / ed. by C. Mercer, T.J. Trothen. Santa Barbara, California: Praeger, 2015. P. 53–69.

References

- Adams, R.P. "The social responsibilities of science in Utopia, New Atlantis and after", *Journal of the History of Ideas*, 1949, vol. 10, no. 3, pp. 374–398.
- Bacon, F. The New Atlantis. Gearhart, OR: Watchmaker Publishing, 2010.
- Bostrom, N. A "History of transhumanist thought", *Journal of Evolution and Technology*, 2005, vol. 14, no. 6, pp. 1–25.
- Burdett, M.S. "Contextualizing a Christian perspective on transcendence and human enhancement: Francis Bacon, N. F. Fedorov, and Pierre Teilhard de Chardin", in: R. Cole-Turner (ed.), *Transhumanism and Transcendence: Christian Hope in an Age of Technological Enhancement*. Washington, DC: Georgetown University Press, 2011, pp. 19–35.
- Dmitriev, I.S. "Instituzializatsiya evropeyskoy nauki rannego Novogo vremeni: bekonianskiy rakurs" [Institutionalization of Early Modern European science: The Baconian perspective], *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [RFBR Bulletin. Humanities and Social Sciences], 2017, no. 2, pp. 89–99. (In Russian)
- Dmitriev, I.S. "Khromoy, obgonyayushchiy beguna (Instauratio Magna Scientiarum F. Bekona kak proekt sozdaniya effektivnoy institutalizovannoy nauki)" [The cripple outstripping the runner (F. Bacon's Instauratio Magna Scientiarum as the project of effective institutionalized science)], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 2015, no 4, pp. 9–33. (In Russian)
- Feyerabendt, P. Science in a Free Society. London; New York: Verso, 1978.
- Fuller, S. "Skrytaya teologiya kompyutera i ee vozmozhnosti dlya post-tsifrovogo chelovechestva" [The computer's hidden technology and its prospects for a post-digital humanity] (transl. from English), in: E.V. Maslanov, A.M. Dorozhkin (eds.), *Negumboldtovskie zony obmena* [Non-Humboldtian Trading Zones]: monography. Moscow: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki Publ., 2020, pp. 66–75. (In Russian)
- Hauskeller, M. Mythologies of Transhumanism. Cham: Palgrave Macmillan, 2016.
- Hughes, J. "Contradictions from the enlightenment roots of transhumanism", *Journal of Medicine and Philosophy*, 2010, vol. 35, no. 6, pp. 622–640, doi: 10.1093/jmp/jhq049.
- Istvan, Z. The Transhumanist Wager. Lexington, KY: Futurity Imagine Media, 2013.
- Kasavin, I.T. Nauka kak obshchestvennoye blago [Science: A public good and a humanistic project], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2021, no. 60, pp. 217–227. (In Russian)
- Kasavin, I.T. "Nauka kak politicheskiy subject" [Science as a political agent], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2020, no. 7, pp. 3–14, doi: 10.31857/S013216250009293-5. (In Russian)
- Whitney, D.N. "Salvation through science? Bacon's New Atlantis and transhumanism", *VoegelinView*, June 7, 2018. Available at: <https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism> (accessed on June 7, 2021).
- Wolyniak, J. "'The Relief of Man's Estate': Transhumanism, the Baconian project, and the theological impetus for material salvation", in: C. Mercer, T.J. Trothen (eds.), *Religion and Transhumanism: The Unknown Future of Human Enhancement*. Santa Barbara, California: Praeger, 2015, pp. 53–69

Поступила в редакцию 25.08.2021